

ПАМЯТНЫЙ ВЕЧЕР

«О любимом театре» — так назывался вечер в Центральном доме работников искусства, посвященный пятидесятилетию МХАТа СССР имени А. М. Горького. С тех пор прошло много лет, но необычный состав участников этого собрания и дух выступления представителей партии, прозвучавшие тогда на сцене ЦДРИ, заставляют нас обратиться в воспоминаниям.

В тот вечер актеры и зрители обменялись местами. Зал был заполнен артистами столичных театров. А сцена была предоставлена в распоряжение поклонников МХАТа, приехавших сюда для того, чтобы выразить свои чувства театру — любителям лучших демократических традиций русской интеллигенции. Когда раздался первый звонок, мы увидели на сцене Дома искусства представительницу ленинской гвардии — В. Д. Бонч-Бруевича и Е. Д. Стасову, известных ученых — академика А. А. Блокштейна, Л. Д. Ландау, А. И. Опарина, И. М. Маясвого, Н. Н. Анникова, И. А. Капирова, Героя Социалистического Труда А. А. Никулина и В. П. Токмакова.

Для этого вечера Московский Художественный театр служил подлинной школой жизни. В декабре 1902 года в первый раз на его сцене была осуществлена постановка пьесы А. М. Горького «На дне».

— В это время, — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — в Москве происходила выставка картин в Манеж. Этура я как директор выставки вынесла себе на память Горького «Самые бедные в городе...» Она служила для нас примером в борьбе, которую я решала вести. Рассказы этой пьесы развлеклись по этапам в тюрьмах на рабочих демонстрациях, вместе с другими революционными пьесами. Владимир Ильич тогда был в то время в Женеве. Там же я получила из Москвы серию открыток, на которых были воспроизведены все персонажи из пьесы «На дне». Я показал эти открытки Владимиру Ильичу, и он с величайшим энтузиазмом рассуждал на, комментируя изображение пьесы. Я спросил Владимира Ильича, не пожелал ли быть бы паразитом эти открытки дать, за границей, чтобы они, так как комсомольцы, коммунисты и новой постановкой МХАТа. Владимир Ильич загорелся и сказал, что это обязательно нужно сделать, а мы вскоре издали серию открыток, в особом конверте, в огромном для того времени тираже — 30 тысяч экземпляров, и все комплекты разошлись молниеносно! Меньше чем через месяц у нас не было ни одной фотографии. Мне хотелось бы рассказать, — продолжал Бонч-Бруевич, — о том, как Владимир Ильич вообще относился к Художественному театру. Несмотря на свою невероятную занятость, Ленин находил все же время несколько раз побывать в нем и, как он говорил, выходя после спектакля совершить прогулку.

Е. Д. Стасова впервые познакомилась с Художественным театром во время его гастролей в Петербурге, в 1901 году. Она вспоминала К. С. Станиславского «роль доктора Штокмана в его союзе, выходящая бурно илюстрируется во ходу пьесы «никогда не следует надевать новую пару, когда идешь бороться за свободу и истину».

— Я хотела бы, — говорила Елена Дмитриевна, — это стариковские обратиться в самым далекий воспоминаниям как коренная жительница Петербурга... Эти слова доктора Штокмана, сказанные устами Станиславского, прозвучали с такой силой и силой после проведенной студенческой демонстрации в Петербурге у Благородного собора, она воспринималась как нечто такое, что недавно еще было испытано массой интеллиции. В моей памяти возникают многочисленные выступления Художественного театра и поразительные образы — созданные незабываемые образы в пьесах Чехова и Горького, великий художник театра В. М. Качалов являлся образцом и мастерства, и высокой гражданственности, а вся вспомнить хотя бы случай, когда он ухаживал в своей квартире Н. Э. Баумана.

— Весной 1908 года, — вспоминал И. М. Майский, — еще совсем молодой человеком я попал в Москву, будучи на незначительной должности. Временем у меня даже отсутствовало право жительства благодаря тому, что я не имел никаких документов. Долго скитаясь я по квартирам друзей. В тот год на политическом горизонте России возникло явление — Первая русская революция была подавлена, и наступила пора жесточайшей реакции. Военно-полицейские суды работали день и ночь. Москва находилась фактически на военном

положении. По городу ходили караваны караванов. В тот день, о котором я хочу рассказать, я должен был поехать на Арбате. Тетка достала билеты в Художественный театр и предложила мне пойти вместе с ее семьей. Несмотря на риск столкнуться с теми караванами караванов, я решил все же не использовать профессиональную функцию, а быть соблазна — ставили «Шаря Федора». Несмотря на то, что провал в совершенно невыносимый, победив на время и перепортил наурядица. Мне пришлось в тот день вернуться на квартиру к тетке, где мы обнаружили после спектакля полный разгром! Пока семейство было в театре, квартиру успели обыскать воры. Тетка имела неосторожность послать дворника за ключами, но забывала, что вместе с ней же привели много ворующего для меня. Мне пришлось бежать в это время из занюханой Москвы, стараясь не попадаться никому на глаза. Хотя в год испрошения впечатляющим спектакля Гуды, который тогда.

В 1927 году в связи с тем, что в качестве советского делегата полпредства в Японии. В кругу моих обязанностей входило установление дружеских связей с японскими интеллигентными. Это было нелегкое дело. Но больше всего препятствием являлось реакционное японское правительство, угрожавшее репрессиями всем тем, кто хотел поддерживать с нами связи.

Важно понять мою радость, когда я получил неожиданно любезное приглашение от японского режиссера Осамы посетить его театр. Режиссер являлся проводником европейских традиций на японской сцене. Он встретил меня радушно и сразу отрекомендовал себя как последователь учения Станиславского. Он был в Москве, видел спектакли МХАТа и стремился применить полученные в своей практике, работал над постановкой «Вишневого сада». Разумеется, это было не зря, а лишь его далекий отблеск, но в этом отблеске легко можно было узнать великое московское явление! И в это время подумал: Московский Художественный театр — большая международная сила!

А в 1937 году Художественный театр приехал в Париж. Это был год Международной выставки, на которой были представлены все ли не все нации мира, но уже тогда особенно проступала острая борьба лагерей империализма и демократии. Особенно эта борьба ощущалась на идеологическом фронте и наиболее ярко выступала в двух направлениях: в советском и германско-фашистском. Не только идеология, но и оформление ярко выразило характер этой борьбы. Московский Художественный театр занял в этой борьбе идеологическое почтенное место. Я был тогда на многих спектаклях МХАТа, виделся с артистами, вспоминаю горючий прием театра зрителем и еще раз подумал о том, какую огромную идейную силу представляют наши люди. А еще через шесть лет, в июне 1943 года, будучи послом СССР в Англии, мне пришлось заехать в разгар войны из Лондона в Москву. Наш самолет сделал полукруг и снизился на Гибралтаре. К мне как послу был прикреплен на время английский офицер. В этой знаменитой военно-морской английской крепости мы дали возможность проехать на машине до самой вершины Гибралтара, откуда открывался великолепный вид на крошечный городок испанского типа, доя в порт — прибрежные английские суда. И вдруг рядом со мной прозвучал голос, спросивший меня об имени отца моего.

— Скажите, пожалуйста, где сейчас находится Московский Художественный театр?

Я ответил, что МХАТ эвакуирован на Урал и заинтересовался причиной заданного мне вопроса. Офицер усмехнулся, показав на свою форму: — Этот мундир — следствие военного времени. По профессии я инженер. В начале спектакли Художественного театра на выставке в Париже и промисловых парад его мастерами — Качаловым, Тарзановым, Москвитиним, Тарасовой. У этого театра мы должны учиться искусству театра!

И в этот вечер в том, когда международную выставку вела наша великая страна. И не случайно так случилось, что Художественный театр посетил Ленин!

Вечер «О любимом театре» навсегда запомнится тем, кому удалось присутствовать в этот день в зале Центрального дома работников искусства!

Барис Филиппов,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.